

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ И БРАТСТВА НАРОДОВ

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

Всем дальнейшим развитием украинской литературы была засвидетельствована ее огромная жизнеспособность. Сила этой жизнеспособности коренилась в народной почве, в неразрывной связи слова и жизни. Глубоко понимая общественные задачи, ставившие перед украинской литературой того времени, Шевченко направил ее развитие на путь народности, на путь демократизма и реализма. Трагедия Шевченко оказалась удивительной живучей и плодотворной, и сам он словно продолжил себя в революционности и демократичности литературы Ивана Франко, Леси Украинки, Михаила Коцюбинского, Павла Грабовского, Панаса Мирного, Василия Степанова, Степана Васильченко и многих других наших классиков, чьи бессмертные народные традиции живут и развиваются в наши дни, в современной литературе украинского народа.

Истинной народностью, глубоко народной трактовкой самых острых социальных проблем, боевой своей гуманистической направленностью творчество Шевченко близко и со звучно искусству нашего времени.

В современной прогрессивной литературе мира, душу которой составляет литература социалистических стран, не прекращается борьба против искусства узаконенного, дентического, искусства, которое извилось в человеке, которое уродливо-формалистическими средствами изображает смиление, растерянность и страх человека капиталистического мира перед картины действительности, где самому человеку это мрачное пессимистическое искусство отводит лишь роль жалкой игрушки в руках слепых и темных стихий сил. Этому направлению противостоят литература высоких гуманистических идей, литература вдохновляющая веры в человека; в ее разум, в его способность перестроить мир, где в условиях социальной гармонии и справедливости человек смог бы разиться безгранично.

Шевченко с нами в этой напряженной борьбе за большое гуманистическое искусство современности.

Неувядаемое художественное наследие Кобзаря органически входит в духовную жизнь советского общества, ставшего своей целью воспитывать человека высоких моральных качеств, человека трудолюбивого, мужественного, честного, свободного от отголосков прошлых времен. Шевченко близок нам своим идеалом свободного человека, своей прекрасной любовью к родному краю, своей непримиримостью ко всему, что человека унижает, сковывает, уродует. Близко нам восхищение поэта человеческим мужеством, рыцарством, подвигом и преклонением его перед вечной пристрастной красотой материнства, — она, эта красота, воспета поэтом в таких гармоничных тонах и с такой проникновенной нежностью, что, пожалуй, может равняться только с шедеврами эпохи Возрождения.

Шевченко присущ широкий взгляд на мир, его поэтическая мысль не ограничена узко национальными горизонтами. Для нас он — певец братства народов, ибо таким он был, хотя этот никак не хотят признать. В этом никак не хотят признать буржуазные толкователи его творчества, не останавливающиеся перед тем, чтобы свои собственные измышления и ложные доктрины попытались навязать поэту.

Мы читаем Шевченко таким, каким он является в действительности, каким читала его трудовая Украина, для нас он тот, каким читал его в подполье и в портах поколений революционеров, каким поэт был для бойцов интернациональных бригад в Испании, где одно из республиканских подразделений носило имя Тараса Шевченко. Дорог для нас тот, единственно правдивый текст «Кобзаря», на просторных страницах которого закапалась горячая кровь советских бойцов на фронтах Отечественной войны, тот, который в виде листовок сыпалась на наших самолетов на германские пропагандистские листы.

Шевченко болел не только болами украинского народа, хотя, естественно, они были для него наиболее жгучими. Всюду, где он только видел гнет и беспроще, унижение человека, путь было на том волжском параде или в азиатских пустынях, или грязном стомоне докатывалось с Кавказских гор, — всюду зло и неправда вызывали взрывы протesta у поэта и каждый раз он был готов к бою с насилием и злом. Ни различие в цвете кожи, ни иноязычие не могли воспрепятствовать проявлениям его природной гуманистии и братолюбия. Понятная символическая бала была его встречей с английским аристократом-трагиком, негром А. Одриджем в Лондоне.

Шевченко не разделяет, он обединяет народы: этим он велик, этим дорог человекечество.

Многосторонней была его жизнь.

По количеству терминов, по крепостному детству Тараса, в терновом венце страдальца видим мы поэта на склоне его лет.

Насколько же глубоки и жгучи были впечатления сиротского подневольного детства, если в течение всей жизни Тарас не мог их забыть и то и дело возвращался к ним в своих произведениях! Стоило ему увидеть грустное детское лицо глядя подле убитой кирзовской кибитки, либо заметить такого же малолетка где-то в украинском селе, как из души, щемящая нежность поэта:

И золотой дорогой
Меня, що знали ви, не жаль
Мої долі долі мої!
А іноді така печаль,
Остину душу, аж заплачу,
А ще до того, як побачу
Малого хлопчика в селі.
Мов одірвалося од гілі,
Одно-одніснік під тином
Сидить собі в старій радині.
Мені здається, що се, я,
Що не ж та молодість моя.

Сын крепостного и сам крепостной, бесправный, беззащитный перед панским произволом, с душой впечатлительно-чуткой, тонкой, он на каждом шагу видел вокруг себя картины горя народного, беззакония, грабежа, над всем детством его, как и над всей Украиной, свистела плеть панского надсмотрщика, приказника.

Трагедия порабощенного народа была для Шевченко трагедией личной.

Сама жизнь его — это трагическая поэма, полная драматизма, жизнеописание человека, прошедшего все дантовы круги черного, крепостного ада, оставил при этом до конца своих дней в чистоте своего свободолюбия, непокорности и, вопреки всему, сохранившего в себе чувства чести и достоинства, неистребимого в душе солнечного человека-боя.

Если мы хотим видеть, чем может быть человек, какой подлинно проме-

тв дух в нем живет, — посмотрим на Шевченко! Пусть невыразимо дрогой ценой, но он добыл себе право в самые трудные дни своей жизни, в катаржной солдатине, в смыслах сказать о себе с достоинством:

Каряка, мусу... але не яко!

Подростком, вместе с господской

частью Тарас — комнатный казаць

и из родного села на Киевщине

попадает в Вильню, нынешний Вильнюс, город, где в воздухе уже чувствовалось предгрозье близкогопольского восстания. Затем он в Петербурге, где еще живя память о декабристах, еще воображенье рулет из Сенатской площади теней героям-мученикам, «поборникам свободы».

Юноша-новеллист чувствует в себе способность стать на путь

жизни, которая должна принадлежать народу, горяя любимой Украине,

поэтический образ которой он со временем нарисует в «Кобзаре»

самыми проникновенными, самыми пе-

вучими красками.

В борьбе за дело народное, в защите угнетенных видят он смысл и цель своего существования, безустанного творческого труда.

Возвеличиу

Малих отих рабів ніх!
Я насторож коло іх
Поставлю слово.

Полуденяндій кажеться нам та

лалака белая петербургская ночь,

когда в аллее Летнего сада Вильнюс,

город, где в воздухе уже чувствовалось предгрозье близкогопольского восстания. Затем он в Петербурге, где еще живя память о декабристах, еще воображенье рулет из Сенатской площади теней героям-мученикам, «поборникам свободы».

Юноша-новеллист чувствует в себе способность стать на путь

жизни, которая должна принадлежать народу, горяя любимой Украине,

поэтический образ которой он со временем нарисует в «Кобзаре»

самыми проникновенными, самыми пе-

вучими красками.

В борьбе за дело народное, в защите угнетенных видят он смысл и цель своего существования, безустанного творческого труда.

Возвеличиу

Малих отих рабів ніх!
Я насторож коло іх
Поставлю слово.

Полуденяндій кажеться нам та

лалака белая петербургская ночь,

когда в аллее Летнего сада Вильнюс,

город, где в воздухе уже чувствовалось предгрозье близкогопольского восстания. Затем он в Петербурге, где еще живя память о декабристах, еще воображенье рулет из Сенатской площади теней героям-мученикам, «поборникам свободы».

Юноша-новеллист чувствует в себе способность стать на путь

жизни, которая должна принадлежать народу, горяя любимой Украине,

поэтический образ которой он со временем нарисует в «Кобзаре»

самыми проникновенными, самыми пе-

вучими красками.

В борьбе за дело народное, в защите угнетенных видят он смысл и цель своего существования, безустанного творческого труда.

Возвеличиу

Малих отих рабів ніх!
Я насторож коло іх
Поставлю слово.

Полуденяндій кажеться нам та

лалака белая петербургская ночь,

когда в аллее Летнего сада Вильнюс,

город, где в воздухе уже чувствовалось предгрозье близкогопольского восстания. Затем он в Петербурге, где еще живя память о декабристах, еще воображенье рулет из Сенатской площади теней героям-мученикам, «поборникам свободы».

Юноша-новеллист чувствует в себе способность стать на путь

жизни, которая должна принадлежать народу, горяя любимой Украине,

поэтический образ которой он со временем нарисует в «Кобзаре»

самыми проникновенными, самыми пе-

вучими красками.

В борьбе за дело народное, в защите угнетенных видят он смысл и цель своего существования, безустанного творческого труда.

Возвеличиу

Малих отих рабів ніх!
Я насторож коло іх
Поставлю слово.

Полуденяндій кажеться нам та

лалака белая петербургская ночь,

когда в аллее Летнего сада Вильнюс,

город, где в воздухе уже чувствовалось предгрозье близкогопольского восстания. Затем он в Петербурге, где еще живя память о декабристах, еще воображенье рулет из Сенатской площади теней героям-мученикам, «поборникам свободы».

Юноша-новеллист чувствует в себе способность стать на путь

жизни, которая должна принадлежать народу, горяя любимой Украине,

поэтический образ которой он со временем нарисует в «Кобзаре»

самыми проникновенными, самыми пе-

вучими красками.

В борьбе за дело народное, в защите угнетенных видят он смысл и цель своего существования, безустанного творческого труда.

Возвеличиу

Малих отих рабів ніх!
Я насторож коло іх
Поставлю слово.

Полуденяндій кажеться нам та

лалака белая петербургская ночь,

когда в аллее Летнего сада Вильнюс,

город, где в воздухе уже чувствовалось предгрозье близкогопольского восстания. Затем он в Петербурге, где еще живя память о декабристах, еще воображенье рулет из Сенатской площади теней героям-мученикам, «поборникам свободы».

Юноша-новеллист чувствует в себе способность стать на путь

жизни, которая должна принадлежать народу, горяя любимой Украине,

поэтический образ которой он со временем нарисует в «Кобзаре»

самыми проникновенными, самыми пе-

вучими красками.

В борьбе за дело народное, в защите угнетенных видят он смысл и цель своего существования, безустанного творческого труда.

Возвеличиу

Малих отих рабів ніх!
Я насторож коло іх
Поставлю слово.

Полуденяндій кажеться нам та

лалака белая петербургская ночь,

когда в аллее Летнего сада Вильнюс,

город, где в воздухе уже чувствовалось предгрозье близкогопольского восстания. Затем он в Петербурге, где еще живя память о декабристах, еще воображенье рулет из Сенатской площади теней героям-мученикам, «поборникам свободы».

Юноша-новеллист чувствует в себе способность стать на путь

жизни, которая должна принадлежать народу, горяя любимой Украине,

поэтический образ которой он со временем нарисует в «Кобзаре»

самыми проникновенными, самыми пе-

вучими красками.

В борьбе за дело народное, в защите угнетенных видят он смысл и цель своего существования, безустанного творческого труда.

Возвеличиу

Малих отих рабів ніх!
Я насторож коло іх
Поставлю слово.

Полуденяндій кажеться нам та

лалака белая петербургская ночь,

когда